

Научная статья

УДК 94(47)“17”

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.57.9

Взаимоотношения между военнослужащими и гражданским населением в России XVIII века: формы конфликтов и наказаний

Андрей Владимирович Дмитриев

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, khaldeus@academ.org, <https://orcid.org/0000-0001-9211-0407>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению конфликтов, возникавших между военнослужащими регулярной армии и гражданским населением в России XVIII столетия, а также их последствий с точки зрения теории социального дисциплинирования. Источниковой базой послужили судебные-следственные дела офицеров и рядовых, несших службу в составе частей Сибирского корпуса, дислоцированного на востоке страны во второй половине XVIII в. Для изучения были привлечены конфликты, связанные с причинением материального и финансового ущерба и с бытовыми столкновениями, включавшими как апелляцию к политическим преступлениям («слово и дело»), так и покушения на убийство. Установлено, что армейское командование и дисциплинарные органы военно-судебного ведомства не всегда могли защитить гражданских лиц от произвольных и преступных действий собственных подчиненных, хотя за них предусматривались суровые наказания согласно действующему имперскому законодательству. Это позволяет заключить, что в условиях России XVIII в. среди людей, которым было предоставлено право носить и использовать оружие, не был достигнут необходимый уровень социального дисциплинирования.

Ключевые слова: регулярная армия, гражданское население, конфликт, наказание, Российская империя, XVIII век.

Для цитирования: Дмитриев А. В. Взаимоотношения между военнослужащими и гражданским населением в России XVIII века: формы конфликтов и наказаний // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 1 (57). С. 129—139. URL: http://vestospu.ru/archive/2026/articles/57/9_57_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.57.9.

Original article

Interaction between Military Personnel and Civilian Population in 18th Century Russia: Forms of Conflict and Punishment

Andrey V. Dmitriev

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, khaldeus@academ.org, <https://orcid.org/0000-0001-9211-0407>

Abstract. This article examines conflicts that arose between regular army soldiers and the civilian population in 18th century Russia, as well as their consequences from the perspective of social discipline theory. The source material is the judicial investigations of officers and privates serving in units of the Siberian Corps, stationed in the east of the country in the second half of the 18th century. The study focused on conflicts involving material and financial damage and domestic clashes, including both appeals to political crimes (“word and deed”) and attempted murder. It was established that army command and the disciplinary bodies of the military judicial department were not always able to protect civilians from the arbitrary and criminal actions of their own subordinates, despite the harsh penalties provided for such actions under current imperial legislation. This allows to conclude that in the conditions of 18th century Russia, the necessary level of social discipline was not achieved among people who were granted the right to carry and use weapons.

© Дмитриев А. В., 2026

Keywords: regular army, civilian population, conflict, punishment, Russian Empire, 18th century.

For citation: Dmitriev A. V. Interaction between Military Personnel and Civilian Population in 18th Century Russia: Forms of Conflict and Punishment. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 1 (57), pp. 129—139. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.57.9>.

Введение

Вопрос о том, какую роль играла военная организация в социальной жизни государств-империй эпохи Нового времени, связан с целым комплексом проблем. Среди них выделяется использование регулярной армии как инструмента государственного контроля и одновременно преобразования социума, на что обратил внимание уже М. Фуко: «В крупных государствах XVIII века армия гарантирует гражданский мир, поскольку она представляет собой реальную силу, вечно грозящий меч, но также и потому, что она воплощает технику и знание, схема которых может быть перенесена на все общественное тело» [24, с. 246]. Специфика воплощения в жизнь этого варианта в российских условиях была проанализирована И. В. Волковой: «Войсковой аппарат, встроенный в жилой массив, гарантировал проникающую систему контроля, которая была недоступна гражданским органам. Именно благодаря военной организации власть обретала способность к интервенции на “клеточном уровне”» [3, с. 193]. Сюда же относится и феномен социального дисциплинирования как характерная черта модернизационного процесса, строительства государства и общества современного типа, хотя в России, как считает, например, В. М. Живов, он фактически потерпел неудачу: «В своей дисциплинирующей деятельности власть не искала и не находила никаких добровольных сотрудников. Вместо воспитания сознательных подданных и консолидации общества политика дисциплинирования лишь усиливала отчуждение населения от власти» [7, с. 374].

Однако любые теоретические построения, направленные на решение указанного вопроса, должны, безусловно, проверяться на конкретном эмпирическом материале. Поэтому нас заинтересовал следующий его аспект: какие конфликты могли возникать между военнослужащими и гражданским населением в социальных реалиях Российской империи XVIII в., и было ли в состоянии имперское государство, взявшее на себя функции контроля над всеми группами подвластных ему людей, эффективно удерживать тех своих подданных, которые имели право постоянно носить оружие, от разных форм применения насилия по отношению к безоружным.

Данный вопрос представляется отнюдь не праздным, поскольку в большинстве существующих работ, посвященных феномену преступлений и наказаний в России XVIII столетия, исследователи в основном обращают внимание на специфику взаимоотношений и конфликтов между государственной властью и подданными в целом [1; 2]. Только совсем недавно уральскими историками было начато изучение практик социального дисциплинирования в локальном масштабе [18].

В связи с этим мы посчитали возможным обратиться к материалам судебно-следственных дел военнослужащих, совершавших те или иные преступления, в результате которых жертвами или пострадавшими оказывались представители разных групп гражданского населения¹. В частности, речь идет о случаях, относящихся к действиям офицеров и рядовых воинских частей, дислоцированных на «восточной окраине» империи, в Сибири, что придавало дополнительные особенности социальному поведению этих людей (крайняя отдаленность мест их службы от столицы, ослабленный контроль властей над их повседневной жизнью). Все эти дела находятся в фонде 8 «Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва). При этом мы сознательно отобрали те из них,

¹ Ранее мы обращались к этим сюжетам лишь в одной статье [5].

которые касаются различных преступлений, совершенных военными в ущерб гражданским лицам и связанных как с причинением материального ущерба, так и с причинением вреда здоровью вплоть до убийства. Такая выборка помогла составить более полную картину того, какие возможные способы совершения правонарушений были характерны для поведения военнослужащих армейских частей в Сибири, а также показать, до какой степени могли варьироваться наказания за них, избираемые властями.

Результаты исследования

Случай причинения материального ущерба имел место в 1758 г., когда крестьянами и обывателями из нескольких деревень и слобод Краснослободского уезда Тобольской губернии были поданы жалобы на капитана Олонецкого полевого драгунского полка Максима Головина и его подчиненных, которых челобитчики обвиняли в «разнопричиненных им обидах и взятках». В частности, капитан Головин, следуя из Троицкой крепости через Краснослободский уезд в расположение своего полка с табуном купленных им казенных лошадей, требовал от крестьян и обывателей сена для обеспечения фуража, а также забрал у них запасы ржи и одного быка на провиант. Челобитчики жаловались, что в течение нескольких дней вынуждены были перевозить для капитана на 70—90 телегах сено (для 200 с лишним лошадей понадобилось более 250 копен), не получив за это никакой оплаты [19, л. 275, 275 об.]. Когда же крестьянский писчик Иван Лукин пытался добиться от военнослужащих хотя бы письменного засвидетельствования, чего и сколько ими было взято, то один из них, капрал Сухоруков, «страшал его битьем плетьюми», а рядовые драгуны угрожали «палить из турки» (из пушки. — *А. Д.*). В итоге Степан Денисов, один из грамотных крестьян, был вынужден составить для капитана «подписку», в которой заявлялось, что все припасы были ему предоставлены «не ис какого капитана Головина к ним принуждения и усилия, но по их собственной воле», а другого крестьянина, бывшего старосту Походилова, пытавшегося помешать увозу сена, капрал Иванов бил плетьюми [19, л. 276 об. — 277 об.].

Описанная ситуация была типичной почти на всем протяжении XVIII в., пока в стране действовала система снабжения армии, установленная еще петровским «Плакатом о сборе подушном» 1724 г., гласившим: «Когда полки будут стоять на квартирах, и повелено будет брать провиант и фураж натурою, тогда за оной засчитать по настоящим в тех местах ценам... Ежели которым другим полкам чрез который уезд случится марш... для проходу собрать провиант, а зимою и фураж с ближних жителей; а сколько у кого провианта и фуража взято будет, за то тогда же... заплатить им деньги по настоящей того города или места цене, а безденежно отнюдь ничего брать не велено» [12, № 4533, с. 312].

Однако уже современникам было хорошо известно, что точное соблюдение всех этих правил было явлением нечастым. Вот и капитан Головин в своих ответах на допросе заявлял, что сено с хлебом крестьяне предоставляли ему добровольно: «Вышеписанный хлеб ему капитану во обещание в почесть дан... а для заплаты за оное привозимое сено денег при нем, как от полку, так и собственных у него капитана Головина уже достаточно не было, да и оные обыватели той платы у него Головина тогда не требовали» [19, л. 275, 275 об.]. Военный суд принял сторону армейского офицера, хотя и сделал оговорку, признав капитана виновным в нарушении официально установленного порядка платежей: «Показанные взятки хлебных и харчевых припасов им капитаном Головиным как видимо точно, хотя браны были и не ис какого ево принуждения и усилия, но по их крестьянской воле, токмо как он капитан Головин афицер к таковым бы взяткам и касатся был не должен, а должен был довольствоватся определенным ему жалованьем, а вышеписанных покупных им капитаном Головиным казенных лошадей должен был довольствоватся покупным у оных обывателей и тогда ж удовлетворять или тем обывателям дать квитанцию»

[19, л. 276, 276 об.]. В итоге капитана обязали только возместить челобитчикам ущерб соответствующими денежными суммами, также был произведен вычет из его собственного жалованья за треть года на госпиталь.

Насильственные же действия его подчиненных в отношении крестьян военный суд и вовсе счел недоказанными, сформулировав это так: «По неимению постороннего в том свидетелства и избличения утвердитца и за вероятность причеть невозможно». Крестьянина Денисова самого обвинили в даче ложных показаний: «Что же предписанной крестьянин Степан Денисов по оному делу в ответах по кресному целованию показывал вышеписанную подписку означенному капитану Головину давал из-за принуждения и стращания от реченного капрала Сухарукова битьем плетьюми... оказалось ему Денисову в даче той подписке принуждения и стращания не было, и тако то ево Денисова в ответе показание оказалось неправильно, за что ему Денисову штраф положен во мнении судящих» [19, л. 277].

Бывшего старосту Походилова точно с такой же мотивировкой «за неправильное в следственной комиссии по кресному целованию показание» самого приговорили к наказанию кнутом, а ответственность за увоз сена переложили на одного из младших офицеров, прапорщика Матвея Храповицкого, причем поставили ему в вину не сами факты хищения, а «напрасное того сена в роту шестую причисление и неправильное о том в полковую канцелярию репортование». За это прапорщика решили разжаловать на год в рядовые драгуны, также взыскав с него соответствующие суммы в пользу челобитчиков [19, л. 276 об., 277 об.].

Как видим, уже в данном случае система военного судопроизводства совершенно отчетливо продемонстрировала как минимум недостаточную объективность при рассмотрении дела, отводя от армейского офицера и его подчиненных целый ряд обвинений как недоказанные. Более того, когда приговор военного суда уже в 1759 г. поступил на утверждение к тогдашнему командующему армейскими частями в Сибири бригадиру Карлу фон Фрауендорфу, тот и вовсе предложил еще больше смягчить наказание обоим офицерам: «В рассуждении сих обстоятелств, что оне Головин и Храповицкой предьявленных просителей по их искам удоволствовали, с коих и подлежащие в казну сыску печатные пошлинные с суда пересуду и праваго десятку за гербовую и простую бумагу и камиские расходы подлежащее число в силу указов денги взысканы... по мнению моему от тех положенных штрафов капитана Головина вычетом в гошпитал из жалованья за треть года, а прапорщика Храповицкого написанием на год в редовые избавить» [19, л. 278].

Вместо этого бригадир Фрауендорф, «в страх другим, дабы на то смотря от таких поступок себя воздержали», предложил «с капитана Головина из заслуженного ево денежного жалованья вычесть в гошпиталь за два месеца, а прапорщика Храповицкого написать на полгода в редовые». Впрочем, весьма сомнительно, чтобы такой случай действительно мог послужить «в страх другим», если подсудимые отделались только денежными взысканиями и кратковременным разжалованием¹. Заметим при этом, что здесь даже не был применен достаточно распространенный принцип ответственности командиров за своих подчиненных по делам, связанным с материальным/финансовым ущербом, отмеченный Т. А. Володиной [4]. Кроме того, не следует забывать, что в Сибири крестьяне фактически оказывались один на один с военными при возникновении подобных конфликтных ситуаций, тогда как в Европейской России в дело мог вмешаться владелец имения и крепостных, дворянин-помещик, как достаточно влиятельная фигура.

¹ В случае, если подобные правонарушения совершали не офицеры, а рядовые, использовались более жесткие наказания — шпицрутены и/или ссылка на каторгу [16].

ра, чтобы в случае необходимости противостоять армейским офицерам. Было бы весьма любопытно сопоставить такие случаи в европейских губерниях империи с сибирскими материалами, чтобы выяснить, кто оказывался в большем убытке от действий военных чинов — владельческие или государственные крестьяне.

Другой интересный казус имел место в Забайкалье в 1771 г., когда в г. Нерчинске произошел конфликт между местными жителями и несколькими военными чинами из состава расквартированной тогда в городе роты 2-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона. Ссора, начавшаяся в «питейном доме», завершилась пьяной дракой, в ходе которой двое из ее участников вздумали кричать «слово и дело», хотя уже почти десяток лет действовал именно указ императрицы Екатерины II, которым та подтверждала ликвидацию Тайной канцелярии, проведенную еще Петром III, гласивший, в частности: «Ненавистное выражение, а именно: слово и дело, не долженствует значить отныне ничего, и Мы запрещаем не употреблять онаго никому. А если кто отныне оное употребит в пьянстве, или в драке, или избегая побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как от Полиции наказываются озорники и безчинники» [15, № 11687, с. 83]. Суть дела в изложении иркутского губернатора генерал-поручика Адама Бриля заключалась в следующем.

Нерчинский сын боярский Андрей Щеголев свел знакомство с батальонным провиант-комиссаром Иваном Пьянковым, после чего оба, решив отметить его чаркой вина, зашли в питейный дом, где уже находились прапорщик Тимофей Носков, местный приказчик Алексей Казачихин и посадский староста г. Удинска Константин Черных. Щеголев за компанию стал предлагать Казачихину выпить с ним стакан, однако тот отказывался, после чего Щеголев разбил стакан, бросив его на пол, а Казачихин вытолкнул Щеголева из-за стойки, но тот закричал «слово и дело». Прапорщик Носков посоветовал комиссару Пьянкову унять своего спутника, но комиссар, напротив, заступившись за Щеголева, стал требовать опять пустить того за стойку. В результате между Пьянковым и Носковым началась драка, а после того, как их разняли, и все они вышли из помещения, Щеголев снова «схватился» с Носковым, тот крепко избил сына боярского, так что «оба, Щеголев и Пьянков, злясь на Носкова, что он Щеголева бьет, кричали слово и дело по 1-му и 2-му пункту, а за кем не изъясняли» [20, л. 5, 5 об.]. Всех участников конфликта взяли под стражу, дело было передано на рассмотрение военного суда под председательством командира 2-го Селенгинского батальона секунд-майора Дмитрия Круглова.

Сразу необходимо отметить одну интересную деталь — суд квалифицировал кричание слова и дела как более серьезное преступление, нежели пьянство и драку, причем прапорщику Носкову инкриминировали то, что он не донес о случившемся ротному и батальонному командирам, а в дальнейшем обвинял майора Круглова в том, что следствие над ним произведено несправедливо. Судьи в свою очередь отметили, что прапорщик на допросах «запирался», а также подбивал к молчанию свидетелей происшествия, стоявших на карауле у винного подвала, где произошла драка, сержанта Тугаринова и солдата Белоножкина. Щеголева и Пьянкова изобличили своими показаниями приказчик и староста, но вместе с Носковым оказался привлечен к ответственности и ротный командир, капитан Михаил Быков, который «о происшедшей у прапорщика Носкова с правянт камиссаром Пьянковым и Щеголевым драке и во оной о кричании ими по первым двум пунктам слова и дела от прикащика Казачихина слышал, а не донес» [20, л. 5 об., 6]. Таким образом, в данном случае мы можем отметить полное соответствие тенденции, выявленной еще Е. В. Анисимовым, который указывал, что даже после упомянутого выше екатерининского указа «“ложное Слово и дело” и недоносительство составляют подавляющую часть всех политических преступлений того времени» [2, с. 686]. Именно

за недоносительство и пострадали прапорщик Носков с капитаном Быковым, как станет ясно из решений суда.

Первоначальный приговор военного суда гласил следующее: «Сына боярского Щеголева высечь плетми, правиант камисара Пьянкова, написав в салдаты, высечь батожем, прапорщика Носкова написать в салдаты, а капитана Быкова в поручики, сержанта Тугаринова наказать пред командою палками, а салдата Белоношкина оставить без наказания» [20, л. 6]. Казалось бы, всем армейским чинам, как и нерчинскому сыну боярскому, вынесены соразмерные действующим юридическим нормам наказания, причем рядового солдата фактически оправдали. Однако командовавший несколькими гарнизонными батальонами Забайкалья бригадир и обер-комендант г. Иркутска Иоганн фон Линеман в 1772 г. предложил не наказывать сержанта «в разсуждении им претерпеннаго пристрастного допроса», а в отношении ротного командира ограничиться вместо понижения в чине денежным штрафом — произвести вычет из его жалованья на госпиталь за треть года. При этом упоминалось, что капитан Быков «в пьянстве» называл своих подчиненных-офицеров «негодными», а к одному из них приходил на квартиру и требовал вина, однако эти его прегрешения так и не были доказаны. Соглашаясь с фон Линеманом, иркутский губернатор предписал исполнить принятые решения в отношении всех остальных фигурантов дела, а Быкову еще и уменьшить вдвое размер вычета из жалованья со следующим обоснованием: «Как он от прикащика Казачихина о кричании Щеголевым и Пьянковым слова и дела слышал не в донос, но партикулярно в разговорах и о том не донес видно неумышленно, но с простоты своей, а в протчем никем ни в чем не доказан, к тому ж он ныне находитца с ротою в городе Нерчинске, где во всем против протчих тамошних мест состоит дороговизна, в разсуждении чего учинить вычет на гошпиталь из ево жалованья за два месеца и впредь о поступании в таких случаях осторожно наикрепчайше подтвердить» [20, л. 6 об.].

В итоге главным пострадавшим оказался прапорщик Носков, действительно разжалованный на год в рядовые именно «за хождение в питейной дом и во оном пьянство и произведенную драку», о недонесении по поводу его противников, кричавших «слово и дело», в решении Военной коллегии, вынесенном уже в 1773 г., даже не упоминалось. Причину этого мы обнаруживаем в следующих строках документа, где мотивировалось решение коллегии также совсем освободить от наказания капитана Быкова: «А что следует до доносу капитаном Быковым о слышании от прикащика Казачихина в разговорах о кричании Щеголевым и Пьянковым слова и дела то... ему Быкову о тех слышанных в разговоре от Казачихина как ничего значещих словах и доносить резону не было особливо... а по такому обстоятельству ево Быкова виновности никакой коллегия не находит, и если повеленной им губернатором с него Быкова вычет жалованья за два месеца учинен, оной ему возвратить» [20, л. 7]. На этом конфликт оказался исчерпан.

Рассмотренный выше казус интересен тем, что хотя зачинщиками конфликта выступили не военнослужащие, а гражданские лица, за что впоследствии и понесли соответствующие наказания, низшая инстанция (батальонный суд) посчитала необходимым также приговорить к разжалованиям и того офицера, который стал участником конфликта, и его непосредственного начальника, уделив особое внимание фактам недонесения по «слову и делу». Может ли это свидетельствовать о том, что военные власти стремились оградить своих подчиненных от столкновений с гражданским населением или защитить безоружных людей от тех, кто имел право носить оружие? По нашему мнению, вряд ли. Скорее здесь имела место инерция того «государственного страха» в отношении политических преступлений, который был внушен подданным Российской империи еще в первой половине XVIII столетия. Высшее начальство, к этому времени избавившееся от

подобного страха, не сочло нужным обращать внимание на эти факты, а решило наказать именно непосредственных участников конфликта, фактически оправдав остальных. Таким образом, здесь мы не находим какого-либо ущемления интересов гражданского населения в пользу военных.

Наконец, еще одно дело относится к 1791 г. и связано с убийством на почве ревности. Подобные случаи с участием как военных, так и гражданских лиц периодически имели место в России XVIII в.¹ Однако данный казус примечателен тем, что среди пострадавших оказались еще и случайные жертвы. Рядовой 1-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона 50-летний Яков Климов в течение нескольких лет «имел блудное дело» с женой другого солдата Марией Герасимовой, которая сдавала часть занимаемой избы квартиранту Молоткову. 7 января наступившего года Климов явился к ней пьяным и, как показывал на допросе, «проговаривал ей о том, чтоб она ни с кем, кроме ево, такового обращения не имела, напротив чего та женка, отказав ему в том, навсегда не велела к себе ходить, да еще и ударила ево по лицу рукою, отчего он упал и разшиб себе правую бровь» [21, л. 11]. Придя в азарт, Климов пошел за ней, схватил с верстака нож, якобы приняв его за колодку, используемую для наколачивания обручей на деревянную посуду, «отворил у избы дверь и оную женку, стоящую тогда у печки, ткнул в самое брюхо». Присутствовавший при этом тесть ее квартиранта, тобольский мещанин Петр Духонин, попытался схватить Климова, но тот и его ударил ножом под ложечку. На допросе Климов отрицал осознанность своих действий, заявляя, что «все сие учинил он без намерения произвести смертное убивство, а от пьянства и озарта» [21, л. 11].

После того как преступник был взят под стражу, раненых освидетельствовали тобольский городничий Богданов и штаб-лекарь Прокопович. Последний зафиксировал, что «мещанин Духонин поколот под лошку, и рана ко излечению следует, а солдатка Герасимова от самой луны (т.е. лона. — А. Д.) в брюхо, так что и кишки перерезаны, и ко излечению безнадежна» [21, л. 11 об.]. Действительно, через несколько дней (10 января) женщина умерла. Военный суд, руководствуясь статьей 154 петровского Артикула Воинского, которая гласила: «Кто кого волею и нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмстить, и без всякой милости оному голову отсечь» [22, с. 355], а также приняв во внимание статью 43, квалифицировавшую пьянство как отягчающее обстоятельство, в точном соответствии с действующими правовыми нормами приговорил Климова к «отсечению головы». Однако занимавший тогда должность пермского и тобольского генерал-губернатора генерал-поручик Алексей Волков не утвердил приговор, сославшись на введение «моратория» на смертную казнь в середине столетия при императрице Елизавете Петровне: «Как указом Правительствующаго Сената, состоявшимся 1754 года сентября в 30 день, таковым осужденным смертной казни впредь до указа чинить не велено, то я по силе того ж 754 года указа полагаю означеннаго салдата Климова, выключая из воинскаго звания, наказать кнутом и вырезать ноздри с постановлением на лбу и на щеках указных знаков, сослать в Иркутскую губернию в каторжную работу» [21, л. 1, 1 об.]. Здесь Волков ссылался на сенатский указ, которым подтверждались указы 1751 г. об отправке приговоренных к смертной казни «до будущаго об них разсмотрения» в каторжные работы [13, № 9875, с. 468; 14, № 10306, с. 235].

Военная коллегия согласилась с предложением генерал-губернатора и вынесла следующий итоговый приговор: «Онаго рядоваго Климова за пьянство и поколоне мещанина Духонина и салдатскую женку Дмитриеву ножом, из коих последней от того и

¹ Разбор таких дел см. в нашей статье [6]. Множество подобных случаев исследованы в недавней монографии А. Б. Каменского [8].

смерть приключилась... казнить смертию и имянно отсечь ему голову, но не приступая по указу 754 года сентября 30 дня ко исполнению оной, а сочиня из сего о нем Климове дела крепкой экстракт представить Правительствующему Сенату на рассмотрение» [21, л. 11 об.]. Последняя фраза означает, что коллегия подвела приговор под сенатские указы 1750-х гг., поскольку в них как раз говорилось о том, что смертные приговоры должны представляться на утверждение Сенату (хотя это утверждение следовало крайне редко), а до его получения преступников необходимо ссылать «на казенные работы». Вот и в данном случае Военная коллегия постановила «до воспоследования о той его смертной казни указа, дабы он между тем ис под караула утечки не зделал, выключая ево из воинской службы, бить кнутом и вырезав ноздри и заклеяя указными знаками отослать заклепаного в кандалы куда следует в каторжную работу» [21, л. 11 об., 12]. Соответствующий указ был отправлен Волкову из Петербурга 29 мая. Заметим, кстати, что от момента совершения преступления до вынесения итогового приговора прошло менее полугода, что весьма редко встречалось в военно-судебной практике частей Сибирского корпуса — нам известно значительное количество дел, которые могли тянуться несколько лет.

Как видим, в данном случае никакого отступления от норм действующего законодательства допущено не было. Однако сами обстоятельства невольно наводят на мысль о том, с какой легкостью могли пускать в ход оружие военнослужащие регулярной армии Российской империи даже в конце «просвещенного» XVIII столетия, в том числе и против незащищенных представителей гражданского населения, оправдываясь пьянством и азартом (т.е. состоянием аффекта). Современными исследователями отмечена «привычка помещиков сдавать в рекруты самых беспокойных и “порочных” крестьян», хотя, по их мнению, «поступая в полки, очень скоро эти люди становились прекрасными солдатами под воздействием здоровой армейской среды» [10, с. 127]. Можно предполагать, что к числу таковых относился и солдат Климов, попавший на военную службу из крестьян уже почти в 30-летнем возрасте и за два с небольшим десятка лет в армейских рядах ни разу не бывавший «в штрафах и наказаниях». Но в итоге он лишил жизни женщину и покушался на жизнь свидетеля его преступления.

Подобные примеры были отнюдь не единичным явлением в Сибири конца XVIII в., можно вспомнить случай убийства крестьянина солдатами Ширванского полевого пехотного полка [11]. А еще в середине столетия имела место попытка сибирского губернатора А. М. Сухарева натравить солдат на неугодного ему полицмейстера Тобольска М. Бабановского [9]. Таким образом, даже представители гражданской администрации не всегда могли чувствовать себя в безопасности от действий военных чинов.

Заключение

Рассмотренные нами дела, с одной стороны, представляются вполне типичными с точки зрения распространенности подобных конфликтов в сфере взаимоотношений военнослужащих с гражданским населением, а с другой — демонстрируют пределы возможностей имперского государства в отношении социального дисциплинирования тех своих подданных, которым оно само давало права на применение вооруженного насилия (т.е. военных чинов). И здесь мы можем отметить некоторые специфические особенности. Если при возникновении спорных или конфликтных ситуаций, связанных с материально-имущественными вопросами, военные власти, как правило, защищали честь мундира и предпочитали не очень-то суровые наказания для своих подчиненных, причинивших ущерб тем или иным группам гражданского населения¹, то когда дело доходило

¹ Можно также привести примеры прямой вовлеченности и установления военными чинами собственного контроля над отдельными видами экономической деятельности, например, торговлей хлебом на северо-западном пограничье (в Карелии) в первой половине XVIII в. [17, с. 131, 132].

до физического насилия, вплоть до убийств, военными судами выносились максимально суровые приговоры.

Столь же ревностно военное командование, по крайней мере на уровне отдельных воинских частей, следило за возможными «политическими преступлениями» офицеров и рядовых («слово и дело»), хотя в екатерининскую эпоху они уже отчасти теряют свою актуальность. Но при всем этом никакого механизма, позволявшего предотвращать применение насилия военными по отношению к гражданским лицам, фактически не существовало. Пока регулярная армия в течение всего XVIII столетия оставалась «встроенной» в повседневную жизнь населения империи, этот «фактор риска» действовал постоянно [23]. Лишь в самом конце XVIII в., когда в ходе армейских реформ императора Павла I войска были выведены из городов и селений в специальные места постоянного пребывания, интенсивность связей между военными чинами и гражданским населением заметно ослабла.

Тем не менее вопрос о формах и специфике взаимоотношений военнослужащих с представителями разных социальных групп в Российской империи XVIII в., безусловно, требует дальнейшего изучения как с точки зрения выяснения места регулярной армии в структуре социума, так и в плане определения ее роли как инструмента социального дисциплинирования в российских условиях и его использования имперским государством.

Список источников

1. Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012. 413 с.
2. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
3. Волкова И. В. Русская армия в русской истории. М. : Яуза : Эксмо, 2005. 640 с.
4. Володина Т. А. «Интересные дела»: о проблеме казнокрадства в русской армии XVIII — начала XIX в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2024. Т. 23, № 8. С. 21—32. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-8-21-32.
5. Дмитриев А. В. Девиантное поведение военнослужащих регулярной армии в отношении гражданского населения Российской империи в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 86—94. DOI: 10.15372/HSS20220410.
6. Дмитриев А. В. Преступления военнослужащих регулярной армии России XVIII в. в сфере семейной жизни: имперское законодательство и реальная практика наказаний // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2021. Т. 8, № 3 (31). С. 13—22. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).13-22.
7. Живов В. М. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // Cahiers du monde russe. 2012. No. 53 (2—3). P. 349—374. DOI: 10.4000/monderusse.9386.
8. Каменский А. Б. Любовь, страсть и отчаяние — русские преступления XVIII века. СПб. : Алетей, 2024. 406 с.
9. Кузнецов Е. В. Из Тобольской старины: Нападение на полицмейстера Бабановского. Тобольск, 1891. 14 с.
10. Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698—1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М. : АСТ, 1995. 296 с.
11. Письма Д. А. Дело о трех мушкетерах. Судопроизводство по преступлениям против личности в частях Сибирского корпуса во второй половине XVIII века // Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма : материалы симпозиума XVII (XLIX) Междунар. науч.-практ. конф. «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей». Кемерово : КемГУ, 2023. Вып. 24. С. 14—17. URL: https://kemsu.ru/science/conference/xviii-l-international-scientific-conference-of-students-and-young-scientists-education-science-inno/aktual_vopr_istorii_24.pdf.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗРИ-1). Т. 7. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 941 с.
13. ПСЗРИ-1. Т. 13. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 961 с.
14. ПСЗРИ-1. Т. 14. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 996 с.
15. ПСЗРИ-1. Т. 16. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 1119 с.

16. Проскурякова М. Е. «В разные годы в пьянстве малые кражи чинил»: преступления служащих нижних чинов Выборгского и Кексгольмского гарнизонов в 1710—1740 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2025. Т. 24, № 1. С. 113—126. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-1-113-126.

17. Проскурякова М. Е. «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII в. Петрозаводск : ПетрГУ, 2012. 179 с.

18. Редин Д. А., Копырина С. Н. Практики социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге и на заводах Екатеринбургского ведомства (1720—1750-е гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2025. Т. 24, № 1. С. 127—143. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143.

19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1801.

20. РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 1464.

21. РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1510.

22. Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1986. 511 с.

23. Субботина (Яковлева) Л. Е. Натуральный построй в XVIII—XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 136—140.

24. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.

References

1. Akel'ev E. V. *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Everyday life in Moscow's criminal underworld during the time of Vanka Cain]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 413 p. (In Russian)

2. Anisimov E. V. *Dyba i knut. Politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Rack and whip. Political investigation and Russian society in the 18th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 720 p. (In Russian)

3. Volkova I. V. *Russkaya armiya v russkoi istorii* [The Russian army in Russian history]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2005. 640 p. (In Russian)

4. Volodina T. A. “Interesnye dela”: o probleme kaznokradstva v russkoi armii XVIII — nachala XIX v. [“Interesting cases”: On the problem of embezzlement in the Russian Army of the 18th — early 19th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Vestnik NSU. Ser. History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8, pp. 21—32. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-8-21-32. (In Russian)

5. Dmitriev A. V. Deviantnoe povedenie voennosluzhashchikh regul'arnoi armii v otnoshenii grazhdanskogo naseleniya Rossiiskoi imperii v XVIII v. [Deviant behavior of regular army servicemen towards the civilian population of the Russian Empire in the 18th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia*, 2022, vol. 29, no. 4, pp. 86—94. DOI: 10.15372/HSS20220410. (In Russian)

6. Dmitriev A. V. Prestupleniya voennosluzhashchikh regul'arnoi armii Rossii XVIII v. v sfere semeinoi zhizni: imperskoe zakonodatel'stvo i real'naya praktika nakazanii [Crimes of 18th century Russian regular army servicemen in their family life: the imperial legislation and real practice of punishments]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki — Herald of Omsk University. Ser. Historical Studies*, 2021, vol. 8, no. 3 (31), pp. 13—22. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).13-22. (In Russian)

7. Zhivov V. M. Dva etapa distsiplinarnoi revolyutsii v Rossii XVII i XVIII stoletiya [The two stages of disciplinary revolution in Russia. The seventeenth and eighteenth centuries]. *Cahiers du monde russe*, 2012, no. 53 (2—3), pp. 349—374. DOI: 10.4000/monderusse.9386. (In Russian)

8. Kamenskii A. B. *Lyubov', strast' i otchayanie — russkie prestupleniya XVIII veka* [Love, passion, and despair — Russian crimes of the 18th century]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2024. 406 p. (In Russian)

9. Kuznetsov E. V. *Iz Tobol'skoi stariny: Napadenie na politsmeistera Babanovskogo* [From Tobolsk antiquity. The attack on police chief Babanovsky]. Tobolsk, 1891. 14 p. (In Russian)

10. Leonov O. G., Ul'yanov I. E. *Russkaya pekhota, 1698—1801: Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie* [Russian infantry, 1698—1801. Combat chronicle, organization, uniforms, weapons, and equipment]. Moscow, AST Publ., 1995. 296 p. (In Russian)

11. Pis'mak D. A. Delo o trekh mushketerakh. Sudoproizvodstvo po prestupleniyam protiv lichnosti v chastyakh Sibirskogo korpusa vo vtoroi polovine XVIII veka [The Case of the three musketeers. Proceedings for crimes against the person in units of the Siberian corps in the second half of the 18th century]. *Aktual'nye voprosy istorii, arkheologii, filosofii, mezhdunarodnykh otnoshenii i turizma: materialy simpoziuma XVII (XLIX) Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. “Obrazovanie, nauka, innovatsii: vklad molodykh issledovatelei”* [Current issues

in history, archaeology, philosophy, international relations, and tourism. Proceed. of the Symposium of the XVII (XVIII) Internat. sci. and pract. conf. “Education, science, innovation. The contribution of young researchers”. Kemerovo, KemGU Publ., 2023, is. 24, pp. 14—17. Available at: https://kemsu.ru/science/conference/xviii-1-international-scientific-conference-of-students-and-young-scientists-education-science-inno/aktual_vopr_istorii_24.pdf. (In Russian)

12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. I* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collect. 1] (PSZRI-1). Vol. 7. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii Publ., 1830. 941 p. (In Russian)

13. PSZRI-1. Vol. 13. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii Publ., 1830. 961 p.

14. PSZRI-1. Vol. 14. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii Publ., 1830. 996 p.

15. PSZRI-1. Vol. 16. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii Publ., 1830. 1119 p.

16. Proskuryakova M. E. “V raznye gody v p’yanstve malye krazhi chinil”: prestupleniya sluzhashchikh nizhnikh chinov Vyborgskogo i Keksgol’mskogo garnizonov v 1710—1740 gg. [“From time to time, being drunk, he committed petty thefts”. Crimes of lower-ranking military men of the Vyborg and Kexholm garrisons in the 1710—1740]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Vestnik NSU. Ser. History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 113—126. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-1-113-126. (In Russian)

17. Proskuryakova M. E. “Iz opredelennykh k Ostzeju”: Garnizony krepostei Vyborga i Keksgol’ma v pervoi polovine XVIII v. [“From those assigned to the Baltic Sea”. Garrisons of the fortresses of Vyborg and Kexholm in the first half of the 18th century]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2012. 179 p. (In Russian)

18. Redin D. A., Kopyrina S. N. Praktiki sotsial’nogo distsiplinirovaniya v rannem Ekaterinburge i na zavodakh Ekaterinburgskogo vedomstva (1720—1750-e gg.) [The practice of social discipline in early Yekaterinburg and in the factories of the Yekaterinburg department (1720s — 1750s)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Vestnik NSU. Ser. History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 127—143. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143. (In Russian)

19. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. 8. Op. 1. D. 1801.

20. RGVIA. F. 8. Op. 4. D. 1464.

21. RGVIA. F. 8. Op. 5. D. 1510.

22. *Rossiiskoe zakonodatel’stvo X—XX vv.: v 9 t. T. 4: Zakonodatel’stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian legislation of the 10—20th centuries. In 9 vols. Vol. 4: Legislation of the emergence of absolutism]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 511 p. (In Russian)

23. Subbotina (Yakovleva) L. E. Natural’nyi postoi v XVIII—XIX vv.: cherez l’goty k tsivilizovannym formam otnoshenii armii i naseleniya [Natural billeting in the 18—19th centuries. Through benefits to civilized forms of relations between the army and the population]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki — Tambov University Review. Ser. Humanities*, 2007, is. 2 (46), pp. 136—140. (In Russian)

24. Fuko M. *Nadzirat’ i nakazyvat’*. *Rozhdenie tyur’mu* [Supervise and punish. The birth of prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p. (In Russian)

Информация об авторе

А. В. Дмитриев — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

A. V. Dmitriev — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 20.02.2026

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 20.02.2026